

КАМЕРАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ XVIII ВЕКА¹

Ирина Геннадьевна ЧАПЛЫГИНА,
кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: igch@yandex.ru

Цитирование: Чаплыгина, И. Г. (2019). Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 80–94. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94

В статье рассматривается вопрос о влиянии камерализма на развитие экономической науки и системы образования в России XVIII в. В первой части статьи переосмысливается понимание термина камерализм. На основе анализа исторических предпосылок развития этого течения обосновывается вывод о том, что камерализм стал ответом на изменение политики национальных государств после Тридцатилетней войны и процессов секуляризации общества, на распространение идей о том, что основой политической власти и национальной независимости является сильная экономика. Это формирует определенный запрос на новый тип экономического знания, целенаправленного на решение прикладных экономических задач. В результате складывается ряд отличительных особенностей камералистской научно-образовательной программы: акцент на сбор информации о национальном хозяйстве, прикладной характер исследований, эклектичность предмета и метода, публичность академической деятельности. Во второй части статьи дается оценка развития экономических дисциплин в России XVIII в.; делается акцент на тех тенденциях, которые представляются общими с европейским камерализмом: понимание «экономии» как практического применения любых наук для рационализации хозяйственной жизни государства; концентрируется внимание на роли естественно-научных дисциплин в развитии экономического знания. Отдельно анализируется характер курсов, преподававшихся в Московском университете с 1755 по 1804 г., на основе чего делается вывод о том, что, несмотря на отсутствие явных экономических дисциплин, на всех трех факультетах (философии, права и медицины) преподавались отдельные аспекты камералистской проблематики, а также о том, что эта дисциплинарная разобщенность сохранилась даже после учреждения в 1804 г. кафедры политической экономии.

Ключевые слова: камерализм; русская экономическая мысль XVIII века; Московский государственный университет; эволюция экономической мысли

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

CAMERALISM AND ECONOMIC DISCIPLINES IN THE EIGHTEENTH-CENTURY MOSCOW UNIVERSITY

Irina G. CHAPLYGINA,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
e-mail: igch@yandex.ru

Citation: Chaplygina, I. G. (2019). Cameralism and economic disciplines in the eighteenth-century Moscow University. *Terra Economicus*, 17(4), 80–94. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-80-94

The main purpose of this article is to investigate the impact of European cameralism on the development of Russian economic science and education in the 18th century. Cameralism as a Science of the State or Science of Regulation was a response to the profound political changes provoked by the Thirty Years War and Peace of Westphalia as well as by the process of secularization. Young national states developed the idea of civil and economic regulation as a main source of its power and sovereignty. This new political strategy demanded a new type of economic knowledge – applied, pragmatic, and practical-oriented. As a result, new cameral sciences demonstrated few distinctive features: the emphasis on collecting data of national economy, the practical focus of research, the methodological and disciplinary eclectics as well as the growth of the publicity of academic activity. Thus, the investigation of the Russian economic thought and education of 18th century is aimed to discover common features with European cameral tendencies. In this period, “economy” designated the practical application of any scientific knowledge in order to rationalize the economic life of the state. As a result, natural sciences played the notable role in the development of economic science. The structure of the courses of Moscow University from 1755 to 1804 did show that economic disciplines are represented at all three faculties, – Philosophy, Law and Medicine. Even after the department of political economy was established in 1804, this disciplinary disunity tended to persist.

Keywords: cameralism; Russian economic thought of XVIII century; Moscow State University; Russian economic education; evolution of economic thought

JEL classifications: B11, B19, B30, B31

Камерализм как термин, обозначающий систему мышления, экономическую практику и набор учебных дисциплин, не имеет четких контуров. Стандартно под камерализмом понимали немецкую версию меркантилизма. Й. Шумпетер называет камерализм «наукой о государстве» (Staatswissenschaft) или «системой экономического управления и политики» (Polizeywissenschaft) и полагает, что такого рода литература и практика встречались и в других европейских странах, в связи с чем термин «камерализм» считает неудачным, так как он ассоциируется только с Германией (Schumpeter, 2006: 155). Сам он использует более широкое понятие – консультанты-администраторы.

У. Кларк называет камералистов теоретиками бюрократической рационализации жизни общества. Он переводит термин Polizeywissenschaft как «наука контроля» и в

доказательство верности такой интерпретации приводит слова фон Юсти: «камералист должен быть экономистом и специалистом в области контроля, наведения порядка (policing)» (Clark, 1953: 11). Цель этого контроля – развитие «культуры земель (culture of the lands)», включающее в себя три задачи: распространение полезных искусств, наук и ремесел; рациональное использование богатств; обеспечение занятости. При этом Кларк настаивает на германском происхождении камерализма, утверждая, что «это были те [ученые] или то [течение], что имела Германия в противовес британской политической экономии или французским физиократам» (Clark, 1953: 12).

К. Трайб утверждает, что камерализм как концепция включал в себя две части – экономику как анализ направлений экономической политики (определение объектов управления) и полицию² как науку, вырабатывающую сами методы управления государством и его экономикой в частности (Tribe, 1995: 22).

Первые камералистские трактаты были представлены в форме наставлений протестантским государствам Священной Римской империи (Tribe, 1995: 8). Ю. Бэкхауз утверждает, что камерализм начинает возникать как учебная дисциплина в северо-восточной Европе после Тридцатилетней войны (1618–1648); и происходит это в связи с возникновением множества независимых суверенных государств, признающих принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Объединенные в рамках Священной Римской империи, эти государства оказываются вынуждены конкурировать между собой и при этом не могут использовать военные методы. Поэтому конкуренция перетекает в мирное русло, что заставляет государства обратиться к экономическим вопросам (Backhaus, Wagner, 1987: 4). Камерализм в результате стал ответом на запрос со стороны власти усовершенствовать методы управления своим национальным хозяйством.

Близкую позицию можно встретить в рассуждениях Мишеля Фуко, который, правда, объединяет понятия камерализм и меркантилизм. С его точки зрения, оба течения являются отражением общей тенденции государств к регуляционизму, которая возникает в XVII в. в связи с новым балансом сил в Европе, когда государства отказались от имперских амбиций и сконцентрировались на задаче выживания и развития. Это приводит к переориентации интересов правителей с вопросов ведения войн и политических интриг в область хозяйства и рационального использования ресурсов (Фуко, 2010: 405–409).

Возникновение идей государственной регуляции хозяйственной жизни не в последнюю очередь связано с процессом секуляризации. Ослабление роли церкви в ходе Реформации приводит к определенному управленческому вакууму. Церковь перестает выполнять традиционно принадлежащие ей функции по упорядочиванию социальной жизни, поэтому часть этих функций берет на себя государство (Schumpeter, 2006: 141–142). Секуляризация приводит и к смене старой идеи божественного происхождения власти. Распространяется концепция общественного договора. В результате власть правителя отныне оправдывается теми общественными функциями, которые он выполняет: государь остается государем, пока он неустанно заботится о социальном мире и общем благополучии. В частности, Ларс Бериш (Behrisch, 2016: 246) считает, что новая светская концепция власти налагала на эту власть более жесткие требования по реализации интересов общего блага. В результате чего формируется запрос на утилитаристскую программу «просвещенного абсолютизма» и новые экономические концепции. В Германии такой концепцией и стал камерализм.

В целом регуляционизм камералистов основывается на фундаментальной идее о том, что достижение общественного благополучия возможно только путем целенаправленного управления жизнью социума. Необходимость управлять вытекает из общего понимания, что регулярность общественной структуры не возникает сама по

² Использование термина Polizei К. Трайб объясняет тем, что в ту эпоху термин Policy относился только к внешней политике. А вот термин Polizei как раз касался принципов внутреннего управления государством.

себе, естественным путем из свободного взаимодействия людей. Это результат осознанной рационализации. Как пишет Трайб: «Эта задача государства, оправдание ее существования не было чем-то, что возникает естественным образом из общественной жизни людей, ибо сложение их действий не демонстрирует регулярности, но лишь хаотичное повторение – таким образом внутренняя гармония государства представляла как состояние, требующее постоянной и сознательной заботы, вечно расширяющейся и никогда не завершающейся проблемой» (Tribe, 1995: 20). В этой связи К. Трайб рассматривает идею полицейского государства как еще одно проявление общей тенденции анализируемой эпохи к рационализации: наравне с рациональным экономическим агентом, появление которого описывал М. Вебер, возникает и рациональное государство как еще одна ипостась веры в человеческий разум.

При этом рационализм практики не означает методологического рационализма самой концепции управления. Трайб пишет о том, что камерализм – это управление не по законам, выстроенным на основе универсальной логики, а по понятиям, когда государь, ориентирующийся на свои личные представления о благе народа, не считающийся ни с какими универсальными правами, выстраивает счастье своего народа. «Полицейское государство (Polizei) представляет собой не-юридическую форму регуляции, форму организации, не основанную на законе» (Tribe, 1995: 22). Такое понимание природы законов сочетается с идеей абсолютного верховенства воли монарха, часто встречающейся в камералистской литературе, а также тенденцией к эмпиризму – сборанию и сравнению по степени эффективности реальных практик управления, законов, политических стратегий. Рационализм этой стратегии проявляется в стремлении использовать достижения науки для совершенствования хозяйственной практики.

Логичным завершением идеи целенаправленного управления становится мелочная регуляция. Сама постановка задачи – целенаправленное обеспечение «совершенного счастья» нации – требовала включения в круг пристального внимания со стороны государя все больших сторон деятельности людей. Таким образом стратегии *Polizeiordnungen* и *Polizeywissenschaft* распространяются на все более широкие сферы общественной жизни, приводя ко все большей централизации власти и развитию все более детализированной регламентации. (Tribe, 1995: 21). Трайб приводит цитату фон Берга: «Полицейское государство подобно благонамеренному гению, бережно выравнивающему дороги, по которым ходят его подданные; очищающему воздух, которым они дышат; обеспечивающему безопасность деревень и владений, в которых они обитают, и дорог, по которым они ходят; оберегающему хлеб, который они выращивают, защищающему их дома от огня и наводнения и их самих от болезней, бедности, невежества, предрассудков и безнравственности... Его зоркий взгляд вездесущ; его поддерживающие руки всегда наготове, и мы незримо окружены его нескончаемой заботой» (Tribe, 1995: 20).

Исторической иллюстрацией такой мелочной политики может служить иосифизм. Иосиф II³, искренне стремясь обеспечить счастье своему народу, полагал, что это счастье может быть достигнуто лишь благодаря жесткому регулированию. Известна его фраза: «Все для людей, ничего самими людьми»⁴. В результате в период его правления было издано более 6000 эдиктов и 11 000 новых законов, установивших унифицированное правление всеми землями⁵.

При этом регуляционизм не означал ликвидацию личной свободы. В частности, У. Кларк пишет о камералистско-буржуазной политике свободы: «рациональное государство не должно пытаться управлять всем», «министры должны облегчать задачу предпринимателям, которые организуют производство на свой страх и риск», «гор-

³ Иосиф II (1741–1790), император Священной Римской империи с августа 1765 г. и единый правитель Габсбургских земель с ноября 1780 г.

⁴ «Everything for the people, nothing by the people».

⁵ Стоит отметить, что после смерти Иосифа практически все законы были отменены в связи с аристократической реакцией.

няки, как и ученые, нуждаются в определенной степени свободы» (Clark, 1953: 12). Но эта идея свободы носила не романтический, а «хладнокровный прагматический характер» (Clark, 1953: 13): необходимость предоставления свободы была вызвана пониманием того, что в таких условиях хозяйственная деятельность людей, как и профессиональная деятельность ученых, даст большие плоды. В этой связи любопытна оценка Й. Шумпетером взглядов фон Юсти на свободу: «Он также не был слеп к возможностям свободного предпринимательства, на которое он смотрел с отрешенностью, но без враждебности. Фактически, несмотря на его одобрение государственного регулирования вплоть до признания целесообразным требовать государственными указами производства конкретных благ, он заявлял в качестве общего принципа, что все, что на самом деле нужно промышленности и торговле, – это свобода и безопасность» (Schumpeter, 2006: 166).

Камерализм и научно-образовательная стратегия

Камерализм как учебная и научная дисциплина возникает на фоне старой системы образования, которая если и включала экономические знания, то в рамках права или нравственной философии⁶ (Schumpeter, 2006: 156), куда входила наравне с политикой. При этом экономика рассматривалась как наука о ведении домашнего хозяйства, а политика – как наука о государственном устройстве, не затрагивающем напрямую вопросы экономики. В целом экономические вопросы поднимались с целью моральной и правовой оценки хозяйственного поведения отдельных индивидов (включая государей).

Камерализм по своему характеру значительно отличался от предшествовавшей ему традиции. Он выступал, во-первых, как наука о государственном хозяйстве, во-вторых, демонстрировал ярко выраженную прикладную направленность анализа. Интересное противопоставление двух традиций дает Кларк: «После 1763 года возникло две системы. Одна аристократическая, куртуазная система, основанная на связях, подарках, покровительстве, и в основном существовавшая для высших слоев общества, которая противостояла буржуазной, бюрократической системе, основанной на проверке (examination), работе и заслугах и в основном существовавшая для средних и низших слоев общества. Эта вторая система соответствовала рационалистическим настроениям, витавшим в академической среде» (Clark, 1953: 11).

Новая политика национальных государств, в рамках которой вопросы рационализации хозяйства достигли масштаба отдельных княжеств, королевств и герцогств, сформировала запрос на новый тип знаний: на сбор информации о национальном хозяйстве, на прикладные знания и профессиональные кадры, которые могли бы эти знания применять. Кларк приводит слова прусского камералиста Цинке, который называет школы «в действительности политическим институтом (Policey-Anstalt)» и пишет, что «забота о землях требовала хорошего управления школами и академическими институтами, которые ... просвещенные камералисты и политические ученые рассматривали как особую форму общественного и экономического производства» (Clark, 1953: 12).

Но образование было нужно полицейским государствам не только для того, чтобы управлять. Во многих государствах, где главным источником пополнения казны была хозяйственная деятельность собственных подданных, распространение грамотности и практических хозяйственных знаний среди населения рассматривалось как важный источник роста национального богатства. В качестве иллюстрации такой политики можно привести деятельность Эрнста I Благочестивого (1601–1675), который, не имея ни рудников, ни выхода к транспортным путям – традиционным источникам доходов государств того времени, сделал ставку на образование, в первую очередь гражданских служащих. Еще один пример – уже упомянутая ранее политика Иосифа II.

Эта ориентация на широкое распространение знаний проявится в одной из особенностей новой университетской системы – требовании публичности академической де-

⁶ Первая кафедра нравственной философии возникает в Болонском университете в XIV в.

тельности (например, в обязательности чтения публичных лекций). Кларк называет этот процесс «культивированием рынка в академических кругах» и говорит о том, что для получения университетской кафедры ученый должен был обладать публичной известностью (Clark, 1953: 8–14).

Так или иначе, образовательная политика становится одним из приоритетов регуляционистских государств: возникают университеты, создающиеся муниципальными администрациями (Кельнский или Университет г. Эрфурт), обучающихся студентов рассматривают как полезный инструмент государственной политики, как будущих чиновников и законопослушных граждан (Clark, 1953: 13). Государственное значение приобретают и науки. Как пишет Зонненфельс, теперь «науки формируют важную часть образования и ... становятся субъектом государственного обеспечения» (Clark, 1953: 12). В этой связи стоит упомянуть об известном отличии германских университетов от английских: если последние представляли собой совокупность колледжей и выполняли, прежде всего, учебные функции, то первые состояли из кафедр и были нацелены на научные исследования.

Говоря об особенностях самих знаний, которые развивались в рамках камерализма, можно выделить несколько наиболее характерных. Первая – особое внимание к сбору самой широкой хозяйственной информации, причем с акцентом на национальные особенности. Развиваются централизованные практики сбора таких данных: торговой статистики, отчетов о сборах урожая, смертности населения. Как пишет Берриш, начиная с 1760 г. официальные власти Франции и Германии все больше опираются на количественные показатели при проведении экономической политики (Behrisch, 2016: 245). О важности сбора информации упоминает и Трайб. Он отмечает, что с середины XVIII в. начинают появляться тексты со ссылками на такие количественные данные. В частности, приводит в пример работу фон Юсти «Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten» (Tribe, 1995: 21).

В этой связи Бэхвауз пишет, что «эта [камеральная] литература характеризовалась определенным базовым реализмом» (Backhaus, 2009: 2). Трайб также указывает на эмпирический характер формирующейся теории, которая в отличие от предыдущей традиции опиралась не столько на рационалистические методы анализа, сколько на исследование существующих практик и поиск наилучших из них.

Следующая особенность – прикладной характер знаний, направленных на решение конкретных задач в области государственного управления. Из него вытекают два очень важных следствия. Во-первых, как пишет М. Раев, способствовал выделению чисто экономической проблематики, в частности, при анализе таких категорий, как труд. Если в рамках схоластической традиции вопросы труда были смешаны с вопросами морали, равно как со всем комплексом социальных и культурных аспектов поведения, то в рамках нового подхода в силу прикладного характера исследований акцент ставится на хозяйственной пользе, тем самым создается экономическое понимание труда в современном его значении (Raeff, 1983: 78, 105).

Во-вторых, с нашей точки зрения практическая направленность формируемого знания объясняет его эклектичность как в выборе предмета, так и метода. Системообразующим элементом теорий оказывалась сама реальность. В зависимости от того, какими ресурсами владел тот или иной государь, на той области хозяйственных вопросов и концентрировался интерес. Если национальная экономика носила торговый характер, на первый план выступала торговля, если ресурсный – то вопросы горного дела, металлургии и сельского хозяйства. То же касается и теоретических источников, которые выбирали камералисты – в трактатах могли использоваться идеи физиократов (Тюрго), французских и итальянских просветителей (Монтескье, Галиани, Дженовези, Беккариа)⁷, английских политэкономов (Петти) без особой заботы о логической

⁷ Об этом, в частности, говорил Alexandre Cunha, Universidade Federal de Minas Gerais, на Ежегодной конференции Европейского общества по истории экономической мысли, ESHET (23–25 мая 2019 г., Лилль).

согласованности концепций разных авторов. Это свидетельствует о том, что целью изысканий было формирование свода любых полезных знаний, способствующих росту конкурентных преимуществ нации, а не целостной теории или «системы политической экономии» в шумпетеровском понимании этого термина.

В этой связи знания собирались из разных дисциплин – географии, натуральной истории, минералогии, горного дела, агрономии, инженерии. Как справедливо пишет Каратаев, «познания ученых XVIII века, как правило, сохраняли энциклопедический характер. Современными им народно-хозяйственными проблемами с большим успехом занимались не только ученые, посвятившие себя изучению общественных знаний, но и естествоиспытатели, техники, металлурги. ... Не приходится удивляться наблюдавшимся в литературе попыткам установить связи между физикой и экономией, определить ту пользу, которую может принести физическая наука земледелию и всей коммерции. На страницах научных журналов появились даже рассуждения о необходимости особой экономической физики» (Каратаев, 1960: 12).

Этой же особенностью характеризуется и система преподавания: будущих управленцев готовили не только кафедры камеральных и полицейских наук, но и кафедры статистики и земледелия (Schumpeter, 2006: 155), сами камералисты получали знания в области минералогии, химии, физики, инженерии и т.д. В их трактатах вопросам сельского хозяйства, горного дела и минералогии, технологиям ремесленного производства уделяется не меньшее внимание, чем проблемам государственных финансов и политической экономии (Backhaus, 2009: 2).

Таким образом, новый идеал науки предполагал самый широкий анализ наилучших практик управления хозяйством на основе собранной информации об этом хозяйстве и существующего опыта, а также максимальную популяризацию результатов этого анализа. При этом задачу рационализации государственного управления решали не только кафедры камеральных наук, но и естественно-научные.

Экономические дисциплины в России XVIII века

Экономическая наука обособилась в России лишь в начале XIX в. В частности, в Уставе Академии наук 1803 г. впервые фигурирует «политическая экономия», а в учебном плане 1804 г. Московского университета предусмотрено ее преподавание. В XVIII в. термин «экономия» понимался в основном в ксенофоновско-аристотелевском духе как наука об управлении домашним хозяйством или поместьем. Проблемы управления экономикой государства – объект нашего исследования, – если они и рассматривались, то могли включаться только в предмет «политики». В частности, в труде Юрия Крижанича «Политичны думы» экономия представлена как наука об управлении домохозяйством, а политика – об управлении народом. Как пишет Каратаев, в определенный момент стали применять разделение на экономию поместья и экономию государственную. Именно этот термин – «государственная экономия» – наиболее близок в XVIII в. понятию «камерализм».

Чтобы избежать современных ассоциаций с термином экономия, стоит ненадолго остановиться на особой его интерпретации в рассматриваемый период. Во-первых, экономия государственная рассматривалась как обычная экономия, т.е. то же домоуправление, только в масштабах хозяйства государя. В рамках монархического уклада изменение ракурса почти не требовало смены принципов управления. Подобно тому как помещик управлял поместьем, монарх управлял монархией. Отсюда и широкий охват вопросов, которые могли включаться в предмет исследования и их вариативность в зависимости от местных условий.

Выход экономической проблематики на национальный уровень был связан как с усложнением казенного хозяйства, так и с распространением идеи о том, что именно хозяйство является основой любой политической власти. Мы уже говорили о том, что в Европе камерализм начинает развиваться в связи с тем, что политика национальных

государств переориентируется с вопросов военного противостояния на экономическое. В России эта тенденция также проявляет себя. Наиболее очевидным является пример политики Петра I, концентрирующейся на экономических реформах ради достижения национальной мощи. В текстах эпохи также можно найти множество иллюстраций этой идеи. Например, Татищев⁸, который определяет «государственное попечение, мудрость экономия» как «приобретение и хранение всех польз государственных»: 1) «во умножении народа»; 2) в «довольствии всех подданных»; 3) «побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам»; 4) «во умножении всяких плодов от животных и растений»; 5) «в научении страху божею и благонравию»; 6) «в умеренном употреблении имения и проч.», далее пишет, что «через сии способы всяк, собственно, и все государство обогащается, усиливается и славу приобретает» (Платонов, 2014: 150–152).

Подобные взгляды высказывает и один из первых профессоров философии Московского университета Н.Н. Поповский: «Пускай другие ищут бессмертия в завоевании новых земель, в обгащении полей человеческой кровью, в воинской славе и победах; пусть приобучают народ свой к свирепству, бесчеловечию и убийствам... Мы в том общую пользу империи полагаем, чтобы душевные его [человека] силы, свойства и дарования возбудить, увеличить и украсить» (Речи, 1820: 28). Аналогичные идеи продвигал и Десницкий: «превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими». Единственно с его помощью, писал он, правители «делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми» (Белявский, 1955: 236). Таких же взглядов придерживался и Третьяков, считавший экономику (в первую очередь обмен и торговлю, но также промышленность и образованное население) основой мощи государства (Белявский, 1955: 248–249).

Возвращаясь к особому пониманию термина «экономия», следует отметить, что он в целом означал использование любых пригодных знаний для улучшения материальной жизни общества. В качестве иллюстрации можно привести цитату из программной статьи первого журнала ВЭО: «У всех народов нынешний наш век попечительным распространением наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода, а особливо успешным произведением опытов и неусыпным старанием, чтоб земледелие и домостроительство привести в лучшее состояние, столько себя отличает, что по справедливости можно оной назвать экономическим веком...» (Каратаев, 1960: 45). Еще одна иллюстрация – отзыв на стажировку русских студентов М. Афонина и А. Карамышева, представленный проф. Эмануэлем Экманом⁹ Московскому университету: «В моих семинарах по экономике они занимались усидчиво и лекции о применении минералов в хозяйственной области усвоили так хорошо, что самостоятельно написали новую работу» (Документы, 1962: 28–29). Показательно и название этой «новой работы» М. Афонина – «О пользе естественной истории в общественной жизни»¹⁰, в которой речь шла «о практическом значении предметов живой природы (растений и животных) в быту» (Документы, 1963: 418).

С одной стороны, такое использование термина «экономия» в принципе совпадает с привычным для нас пониманием экономической задачи как рационального и эффективного использования ресурсов. С другой стороны, в ту эпоху фактически речь шла о прикладном аспекте естественных наук. На наш взгляд здесь экономия предстает в таком же универсальном статусе, что и философия, только если последняя стоит над всеми науками, обобщая их выводы в области ментального, то экономика, имея такой

⁸ Речь идет о его работе «Напомнение на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств» 1744 года

⁹ Экман значился «ординарным профессором практической экономии» и «ординарным адъюнктом экономии» в Университете г. Уппсала (Документы, 1962: Т. 2, с. 29).

¹⁰ Издана в Упсале в 1766 г. и дважды напечатана в издании Линнея (*Amoenitatis Academicæ*, в 1766 и 1789 г., т. VII). В России так и не была ни переведена, ни напечатана.

же вне- или наддисциплинарный статус, обобщает выводы наук в области материального, хозяйственной практики.

В итоге «государственная экономия» предстает как прикладное применение всех полезных знаний ради более эффективного управления имеющимися в распоряжении государя ресурсами. При этом современное понимание подобной политики как узко экономической еще не было сформировано. Вопросы управления хозяйством отдавались на изучение любым пригодным к этому делу наукам, в частности, естественным – физике, химии, медицине, минералогии, геодезии. Показателен составленный М.В. Ломоносовым проект об учреждении государственной коллегии земского домостроительства: согласно проекту, президент и вице-президент этой коллегии должны были быть «весьма знающие в натуральных науках» (Ломоносов, 1952: 411), а их советникам и вовсе полагалось быть учеными: физик, химик, ботаник, механик, зоолог и т.д. Об этом же свидетельствует состав участников конкурсов, объявлявшихся ВЗО. Работы на экономические темы представляли математики, астрономы и физики, например, Леонард и Альбрехт Эйлеры.

Можно привести в пример фигуры российских ученых-естественников, которые интересовались вопросами экономики. М.В. Ломоносов, помимо уже упомянутого проекта, выступал с инициативой создания при Академии наук журнала «Российские ведомости», «которые бы в государственной экономии и частных людей, а особливо в купечестве приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства» (Каратаев, 1960: 36), а также разработал план создания «Экономического лексикона российских продуктов», который предполагал сбор информации как о производимых продуктах, так и о ценах и рынках сбыта.

Еще одна яркая фигура – руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов. Его книга «Цветущее состояние Всероссийского государства...», написанная в 1727 г.¹¹, содержала экономико-географические данные о заводах и промыслах со статистико-географическими таблицами. При этом его последователь П.И. Рычков пишет о нем как о человеке очень широкого круга интересов: это «был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея об этом никакого своего труда и иждивения» (Каратаев, 1960: 85).

Структура курсов Московского университета XVIII века¹²

Анализ структуры образовательных курсов рассматриваемой эпохи заставляет делать аналогичный вывод – по факту экономические вопросы поднимаются в рамках разных дисциплин. Характерен проект гимназий и училищ для дворянского сословия, представленный в 1766 г. в Сенате И.И. Шуваловым. В перечень дисциплин входила «экономия» и отдельно география, свойства земли и коммерция. Последняя охватывала вопросы мануфактур и промышленности (Каратаев, 1960: 29).

В курсах Московского университета также экономическая проблематика выкристаллизовывалась постепенно, причем на разных не только кафедрах, но и факультетах. Согласно проекту 1755 г. преподавание должно было вестись на трех факультетах – философском (первая ступень), юридическом и медицинском, включавших 10 кафедр (профессоров). Среди этих кафедр в первую очередь обращает на себя внимание кафедра «политики» юридического факультета¹³. Но, согласно протоколам Конференции, профессор этой кафедры «должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время» (Документы, 1961: 285), т.е. освещать в первую очередь вопросы международного права.

О том, что экономические вопросы практически не рассматривались в лекциях юридического факультета в первые годы, свидетельствует и план преподавания юри-

¹¹ Впервые издана в 1831 г. М. Погодиным.

¹² О камеральных науках в Московском университете см.: (Raskov, 2019: 288–294).

¹³ ПСЗ, т. XIV, №10346.

дических наук, представленный Ф.Г. Дильтеем, долгое время¹⁴ единственным профессором этого факультета (Летопись, 1979: 19), Конференции профессоров Московского университета 20 марта 1764 г. (Документы, 1961: 285). Этот проект предполагал преподавание сводов различных законов. Вопросы государственной политики, в том числе экономической, не рассматривались. Единственный раздел курса, который касался хозяйственной деятельности, – это вексельное право¹⁵.

Лишь к концу XVIII в. ситуация изменилась: в структуре курсов этого факультета 1799 г. уже фигурирует полицейское право (полицейские законы). По всей видимости, эти изменения связаны с деятельностью С.Е. Десницкого. Вернувшись из Англии в 1767 г., он и И.А. Третьяков начали читать чисто правовые курсы (Документы, 1963: 423). В то же время в 1768 г. Десницким было представлено «Оглавление 1 книги прав Российских» в качестве приложения к своей речи в Московском университете, четвертый раздел которой посвящен изучению «полиции или благоустройства гражданского». В этом разделе должно было рассматриваться «введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества..., приведение хлебопашества в совершенство..., соби́рание казны» и т.д. (Белявский, 1955: 242). Как мы видим, по проблематике этот раздел сформирован в чисто камералистском духе и охватывает стандартные сферы политики полицейских государств.

Взгляды Десницкого в целом представляются близкими камералистскому духу – он выступал за активное вмешательство государства, настаивал на том, что основой любой власти является не божественное ее происхождение, не голое насилие, а «превосходное богатство». Он стремился придать правовой науке и образованию прикладной характер, для чего требовал изучения российского законодательства и составления свода российских законов, а также реальной судебной практики¹⁶, чтобы студенты по окончании университета могли сразу приступить к обязанностям судей. При анализе природы права он высказывался резко против идеалистической традиции последователей Пуффендорфа в лице германских профессоров Дильтея, Ланге и Шадена и старался основывать свои работы на эмпирических данных, в частности материалах этнографической экспедиции С. Крашенинникова на Камчатке.

Любопытно развитие хозяйственных дисциплин на медицинском факультете. Изначально на нем преподавал проф. Керштенс, который читал курсы по металлургической химии, минералогии и экспериментальной физике. Первые две дисциплины вполне вписываются в классическую проблематику камералистских наук. В программе курсов 1799 г. на этом факультете значится сельское хозяйство¹⁷, что, по всей видимости, связано с деятельностью читавшего здесь по возвращении со стажировки М. Афонина¹⁸. Изначально он получил образование в области естественных наук. Согласно его отчету, представленному Конференции, в 1759 г. он с А. Карамышевым был отправлен изначально в Кенигсберг без определенного указания дисциплин для изучения. Там они прослушали курсы естествознания. Но далее их перенаправили в Швецию (Уппсальский университет¹⁹) для знакомства с земледелием и горным делом

¹⁴ Вплоть до возвращения из-за границы Десницкого и Третьякова две предусмотренные уставом 1755 г. позиции профессоров юридического факультета сохранялись вакантными (Белявский, 1955: 211).

¹⁵ Именно по вексельному праву впоследствии Дильтей напишет свою наиболее значимую работу (1768 г., «Начальные основания вексельного права...»). В частности, она пользовалась большой популярностью и среди студентов, и среди русских купцов. При подготовке этой книги большая редакторская работа была проделана Десницким (Томсинов, 2015: 3–11).

¹⁶ В частности, предлагал ввести должность профессора теории русского права и «практического русского законоположения».

¹⁷ Любопытно в этой связи замечание Шумпетера о том, что в Эдинбургском университете профессора сельского хозяйства работали с 1792 г., хотя кафедра политэкономии возникла только в 1871 г.; а в Оксфорде – с 1796 г., при том что политэкономия начала преподаваться только в 1825 г. (Schumpeter, 2006: 156).

¹⁸ Матвей Иванович Афонин ((1739–1810), первый русский ученый, занимавшийся вопросами почвоведения и агрономии).

¹⁹ Кафедра камералистики, созданная в этом университете в 1740 г., была одной из первых в Европе (Schumpeter, 2006: 155).

(Документы, 1963: 231), «поскольку на Московский университет той эпохи была возложена задача подготовки профессоров-специалистов в этой области» (Документы, 1963: 6). Ими были прослушаны курсы «горных наук» Ю.Г. Валлерия, зоологии и ботаники К. Линнея и минералогии А. Тидстрема. Помимо этого, М. Афонин самостоятельно занимался земледелием и луговодством (Документы, 1963: 232).

Экономическая направленность естественно-научных изысканий Афонина отражена и в его работе 1777 г., которая выходит под названием «Слово о пользе знаний, собрания и расположения чернозему, особливо в хлебопашестве»²⁰. После увольнения в том же году из Московского университета и нескольких лет службы в Санкт-Петербурге Афонин состоял «директором экономии» (1784–1788 гг.) в Екатеринославском наместничестве и в Крыму (Документы, 1961: 337), таким образом фактически реализовав свой замысел прикладного, «экономического» применения естественно-научных знаний.

Что касается деятельности Афонина в Московском университете, то по возвращении в Россию в 1769 г. он начал преподавать на медицинском факультете естественную историю, а также «основы земледелия» (агрономии). Такая необычная для современной науки компоновка курсов объясняется тем, что Афонин изучал возможность применения химии в земледелии, в частности исследовал свойства почв. Химия же в то время часто преподавалась именно на медицинских факультетах, поскольку медики зачастую являлись единственными специалистами в этой области. Таким образом, экономические дисциплины обосновались и на этом факультете.

На философском факультете также затрагивались вопросы экономики: по проекту 1755 г. здесь существовала кафедра нравоведения²¹. В первый год на этом факультете преподавали Н.Н. Поповский и И.-Г. Фромман. Поповский читал философию, основания красноречия, стиль латинского и русского языков (Летопись, 1979: 19) и в целом философию рассматривал как основу любого знания, но не занимающуюся прикладными вопросами, а формирующую мышление будущих ученых²².

Нравственную философию или практическую философию²³ читал Фромман²⁴. К сожалению, не осталось письменных свидетельств его научных воззрений. Известно лишь, что он был вольфианцем²⁵, в частности, в период его преподавания в университетскую библиотеку были выписаны учебники представителей вольфианства: Баумейстера²⁶, Винклера, Гейнекция и др.

В 1757 г. на факультете начинают читать новые профессора – А.А. Барсов²⁷, Х.Г. Келнер²⁸, Н. Папафило²⁹, И.Н. Рост³⁰, И.Г. Рейхель, В. Рауль³¹, Д.В. Савич³². Из них вызывают интерес взгляды И.Г. Рейхеля. Будучи профессором истории и статистики,

²⁰ Перепечатана в сб. «Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Моск. университета русскими профессорами...», ч. 2, с. 70–99.

²¹ ПСЗ, т. XIV, №10346.

²² «Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависят» (Белявский, 1955: 196–197).

²³ Такое название фигурирует в «Объявлении...» о публичных лекциях профессоров Московского университета 1757 г. (Объявление, 1757).

²⁴ Иоганн Генрих Фромман (1729–1775), магистр философии Тюбингенского факультета, преподавал в МУ с 1756 по 1765 г. логику, метафизику и нравственную философию.

²⁵ В частности, заменивший Фроммана на должности профессора философии Аничков активно выступал против идеализма Вольфа, «поколику основания и начала, на коих они утверждают свои мнения, суть неизвестные, сомнительные и произвольные» (Белявский, 1955: 229).

²⁶ Фридрих Христиан Баумейстер (1708–1785). На российскую систему образования больше всего оказали влияние его учебники «Руководство к Логике» (перевод 1788 г.) и «Метафизика» (перевод 1789 г.). См.: (Bartlett, 2017:65–67).

²⁷ Магистр математики, ординарный профессор красноречия.

²⁸ Преподавал универсальную историю.

²⁹ Преподавал итальянский язык и греческую литературу.

³⁰ Преподавал математику, геодезию, экспериментальную физику.

³¹ Читал французский язык.

³² Преподавал географию и оптику.

магистром философии Лейпцигского университета, Иоганн Готфрид Рейхель (1727–1778) был приглашен в 1757 г. для преподавания немецкого языка и литературы. Вскоре он начал преподавать всеобщую историю и статистику, наравне с немецкой словесностью и историей литературы (Документы, 1961: 369).

О характере лекций Рейхеля по статистике говорит название, под которым они были изданы в 1775 году: «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств». В содержательном плане любопытна речь «О наилучших способах к умножению подданных...», которая была произнесена им в 1766 г. и затем опубликована. В ней Рейхель говорит о том, что главным источником богатства является многочисленное население, после чего выделяет пять факторов, влияющих на демографический рост: развитие земледелия и его рационализация; отсутствие войны; развитие здравоохранения; политика по укреплению семьи; расширение сети образовательных и воспитательных учреждений (Рейхель, 1766: 4–20).

Можно ли оценить взгляды Рейхеля как камералистские? На наш взгляд, как минимум три аспекта действительно сближают его с этим течением. Первый, это акцент на проблеме народонаселения – важной теме для камерализма, который формировался в условиях значительной нехватки населения после Тридцатилетней войны и в то же время рассматривал это население как основу «экономического и налогового потенциала» (Норт, 2017: 95). Рейхель напрямую пишет, что «внутренняя государева сила не изобилием золота и серебра приобретает, но множеством жителей и граждан, которые всеми силами стараются об общей государственной пользе» (Рейхель, 1766: 8). Это сближает его взгляды с идеями И.И. Бехера, а также фон Юсти, считавшего вопросы занятости ключом камералистской теории, тем более что Рейхель упоминает имя фон Юсти в своей речи (наравне с У. Петти). Тем не менее собственно экономического анализа проблемы народонаселения в речи Рейхеля нет. В ней не говорится о влиянии уровня занятости на снижение цены труда и, как следствие, рост конкурентоспособности отечественных товаров на внешних рынках, равно как и о росте спроса на внутреннем рынке как стимуле для развития отечественной продукции, что можно встретить у Бехера (Норт, 2017: 95). Не поднимаются и вопросы об обеспечении занятости населения как важном источнике экономической силы государства, как это характерно для работ фон Юсти.

Второй момент, сближающий идеи Рейхеля с камералистской традицией – высказанное восхищение в адрес Екатерины II и ее политики в области развития знаний о принципах землепользования. Это вполне согласуется с упомянутой ранее нацеленностью всей системы камерализма на широкое распространение хозяйственных знаний. Также следует сказать, что в целом проблематика, которую затрагивает Рейхель, типична для камералистской литературы: население, отсутствие войны, рационализация, образование, здравоохранение. Таким образом, как минимум можно говорить о влиянии камералистского стиля мышления на взгляды Рейхеля.

Также любопытна роль Рейхеля в инициировании работы над проектом устава Московского университета, по которому предполагалось введение на философском факультете должности профессора «для преподавания экономии, камеральных наук и горных дел» (Чтения, 1875: 117; Каратаев, 1960: 39; Raskov, 2019: 292–293). Этот проект разрабатывался профессорами Конференции – И.Х. Керштенсом, А.А. Барсовым, И.Н. Ростом, И.Г. Рейхелем, И.М. Шаденом, К. Лангером и И.Ф. Эразмусом³³. Работа над ним была спешно – «употребля на то... не более трех недель времени» (Документы, 1962: 200) – начата профессорами в связи с письмом, датированным 29 ноября 1765 г., которое проф. И.Г. Рейхель привез из Петербурга от А. Олсуфьева³⁴. В этом письме переда-

³³ Дело о сочинении Устава профессорами Московского университета в 1765 г. находится в ЦГАДА, ф. (разряд) VII Б, д. 39.

³⁴ Адам Васильевич Олсуфьев (1721–1784), сенатор, статс-секретарь Екатерины II.

валась просьба императрицы, «чтобы вы сочинили точному императорского Московского университета положению и содержанию штат ... а если б иногда кто из вас в рассуждении своем с прочими был несогласен, тот за своею рукою положил бы особо мнение свое» (Документы, 1962: 200).

В то же время, согласно сохранившимся документам, Екатерина II желала знать мнение профессоров об общих принципах воспитания молодого поколения, а не о структуре университета. В этой связи, по мнению историков, оно и не было одобрено императрицей и никак не повлияло на развитие университета. В 1767 г. этот проект был переведен по просьбе Екатерины II на русский язык³⁵. В 1776 г. Екатерина повторно запросила себе этот документ, но никакой реакции не последовало (Документы, 1963: 308).

Еще одним негативным для проекта фактором стало то, что в работу над проектом не был вовлечен М.М. Херасков, директор университета с 1763 по 1771 г. Это вызвало его глубочайшее возмущение и даже заставило высказать сомнение в подлинности письма, привезенного Рейхелем. Конфликт достиг таких масштабов, что разбирался в Сенате³⁶ (Документы, 1963: 310).

Как бы то ни было, но проект так и остался лишь проектом, и экономические вопросы преподавались в Московском университете разрозненно на разных кафедрах и даже факультетах: как на юридическом и философском, так и на медицинском. Причем эта дисциплинарная разрозненность сохранялась даже после создания кафедры политической экономии. По уставу 1804 г. эта кафедра была учреждена на отделении нравственных и политических наук. В то же время на отделении физических и математических наук существовали кафедры сельского домоводства, технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам (Летопись, 1979: 39).

ЛИТЕРАТУРА

- Белявский, М. Т. (1955). *М.В. Ломоносов и основание Московского университета*. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1961): В 3 т., т. 1. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1962): В 3 т., т. 2. М.: Издательство Московского университета.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века* (1963): В 3 т., т. 3. М.: Издательство Московского университета.
- Каратаев, Н. Л. (1960). *Очерки по истории экономических наук в России XVIII века*. М.: Издательство Академии Наук СССР.
- Летопись Московского университета 1755–1979* (1979). М.: Издательство Московского университета.
- Ломоносов, М. В. (1952). *Полное собрание сочинений*, т. 6. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Норт, М. (2017). Экономическая история Священной Римской империи германской нации в XVII–XVIII веках // *Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней*: В 3 т., т. 1. М.: ИНФРА-М.
- Объявление, какие лекции и в которые дни и часы быть имеют публично в ИМУ в последнюю половину сего 1757 года* (1757). М.: Императорский Московский университет (Отдел редких книг Фундаментальной библиотеки МГУ, 5Те28 № 1).
- Платонов, Д. Н. (2014). *У истоков русской экономической науки*. М.: МАКС-ПРЕСС.

³⁵ Этот перевод был опубликован в 1875 г. в «Чтениях» под названием «Мнение об учреждении и содержании императорского университета и гимназии в Москве».

³⁶ ЦГАДА, ф. XVII Б, д. 45.

- Рейхель, И. Г. (1766). *О наилучших способах к умножению подданных*. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского Университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями* (1820). М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Томсинов, В. А. (2015). Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // *Вестник Московского университета*. Серия «Право», (2), 3–11.
- Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. М.: Наука.
- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете* (1875). Кн. I, отд. V. М.: Издательство Императорского Московского университета.
- Backhaus, J., Wagner, R. E. (1987). The Cameralists: A Public Choice Perspective // *Public Choice*, 53(1), 3–20.
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.
- Bartlett, R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy, pp. 65–90 / In: M. Seppel and K. Tribe (eds.) *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Boydell Press.
- Behrisch, L. (2016). Statistics and Politics in the 18th Century // *Historical Social Research*, 41(2), 238–257.
- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven: Yale University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Schumpeter, J. (2006). *History of economic analysis*. London: Routledge.
- Tribe, K. (1995). *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. NY: Cambridge University Press.

REFERENCES

- An announcement of what lectures and on which days and hours will be given publicly in the IMU in the last half of this 1757* (1757). Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Backhaus, J., Wagner, R. E. (1987). The Cameralists: A Public Choice Perspective. *Public Choice*, 53(1), 3–20.
- Bartlett, R. (2017). Cameralism in Russia: Empress Catherine II and Population Policy, pp. 65–90 / In: M. Seppel and K. Tribe (eds.) *Cameralism in Practice: State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Boydell Press.
- Behrisch, L. (2016). Statistics and Politics in the 18th Century. *Historical Social Research*, 41(2), 238–257.
- Belyavskij, M. T. (1955). *M.V. Lomonosov and the foundation of Moscow State University*. М.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta. (In Russian.)
- Chronicle of Moscow University 1755–1979* (1979). Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)

- Clark, W. (1953). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1961): In 3 vols., vol. 1. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1962): In 3 vols., vol. 2. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century* (1963): In 3 vols., vol. 3. Moscow: The Moscow University Publ. (In Russian.)
- Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Karataev, N. L. (1960). *Essays on the history of economic sciences in Russia in the 18th century*. Moscow: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- Lomonosov, M. V. (1952). *The Complete Works*, vol. 6, Moscow – Leningrad: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- North, M. (2017). The economic history of Holy Roman Empire of the German nation in the XVII–XVIII centuries. *Economic history of Germany: from Cameralism to the present day*, vol. 1. Moscow: IFRA-M Publ. (In Russian.)
- Platonov, D. N. (2014). *At the origins of Russian economic science*. Moscow: MAKS-PRESS. (In Russian.)
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven: Yale University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University* (1875). Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Rejhel, I. G. (1766). *On the best ways to multiply subjects...*, Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Schumpeter, J. (2006). *History of economic analysis*. London: Routledge.
- Speeches delivered at the solemn meetings of Moscow University by Russian professors, with their brief biographies* (1820). Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Tomsinov, V. A. (2015). The first professor of law at Moscow University Philip-Henry Dilthey (1723–1781). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. «Pravo», (2), 3–11. (In Russian.)
- Tribe, K. (1995). *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. NY: Cambridge University Press.
- Backhaus, J. G. (2009). From Wolff to Justi, pp. 1–18 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy*. Springer.